

ПУТЬ К АТЕИЗМУ

*Никогда в истории человека на его долю
не выпадала такая ужасная беда, как та,
приближение которой всем, у кого есть глаза,
может показаться надвигающимся потоком,
черной разрушительной силой, которой
невозможно противостоять, вырывающей
с корнем наши самые сокровенные надежды,
самые дорогие для нас убеждения и ввергающей
нашу высшую жизнь в бессмысленное отчаяние...
Открываются шлюзы неверия,
и нами овладевает атеизм*

ДЖОРДЖ РОМАНЕС,
личный друг Дарвина
(Romanes, 1878, 51)

Томас Гексли, глашатай и защитник идей Дарвина, высоко чтил Библию, хотя, подобно Исааку Ньютону и другим ученым до и после него, он не мог согласиться с возможностью нарушения законов природы сверхъестественным вмешательством. Непорочное Зачатие и Воскресение относили обычно к специфической дихотомии мышления, считая их правдоподобными и неправдоподобными одновременно. Что же касается таких вещей, как Сотворение из ничего, Грехопадение, Всемирный Потоп, а также чудеса Нового Завета, то они были совершенно неприемлемы. После смерти в юношеском возрасте своего сына в 1860 году Гексли описал свои религиозные воззрения преподобному Чарльзу Кингсли. К 1880-м годам многие готовы были согласиться с этими убеждениями, которые к тому времени уже называли “агностицизмом”. Гексли заявил, что готов следовать своему разуму настолько далеко, насколько сможет, но наотрез отказался принимать выводы, которые не могли быть явно продемонстрированы. Агностицизм для Гексли — позиция здорового скептицизма, инструмент разума, существенно важный для практикующего ученого. Кроме того, новый термин не носил клейма ни “неверия”, ни “атеизма”, что было

важно в викторианском обществе для вхождения в общество¹. Зять Карла Маркса Эдуард Эвелинг приветствовал Дарвина на исходе его жизни как коллегу-атеиста, но автор теории эволюции поправил его, назвавшись агностиком². Спустя несколько лет Эвелинг утешал себя мыслью, что “атеист — это всего лишь агрессивный агностик, а агностик — почтительный атеист” (Aveling, 1897, 1:323). Из окончательного анализа, а также из определения Гексли, следует, что существование Бога и чего угодно другого вне пределов материальных явлений ясно продемонстрировать невозможно; таким образом, тень различия между агностиком и атеистом размывается и становится неразличимой.

Теистическая эволюция

Весь спектр убеждений, от буквального принятия Сотворения до клейменого атеиста, выдающего единственное объяснение нашего происхождения в материалистической эволюции, объединяет школа, характерная для либерального христианства и известная как Теистическая эволюция. На первое место она ставит веру в эволюцию, что бы под ней ни подразумевалось: ортодоксальный дарвинизм, неodarвинизм, “прерывистые равновесия” и т. п. К этому прибавляется вера в Бога и идея, что Он направлял процесс эволюции, чтобы создать планету Земля и всех живых существ. Первые одиннадцать глав Книги Бытия целиком, включая сотворения Адама и Евы, Грехопадение, Потоп и Вавилонскую башню, отрицаются и относятся к мифу, аллегории или сказке. Теистический эволюционизм признает разумный замысел, но с участием Создателя в деистической позиции, в которой роль Бога ограничивается начальным сотворением Вселенной. Бог направляет эволюцию одного вида в другой через ряд стадий, причем последней из этих стадий стало сотворение гуманоидных признаков у избранных человекоподобных тел (Адам и Ева).

Сторонник теистического эволюционизма, по-видимому, будет приветствовать теорию прерывистых равновесий (см. шестую главу) как свидетельство божественного вмешательства в процесс естественного отбора. Но в таком случае теистическая модель вторгается на территорию минных полей философии. Принятие теории прерывистых равновесий для объяснения пробелов в “летописи окаменелостей” достаточно разумно, но когда говорят, что эволюция — это процесс, который продолжается и в настоящее время (при этом всегда приводится пример с березовой пяденицей), это значит, что вмешательство Творца распространяется и на наши дни, а такое понимание кое для кого — беспокоящий фактор. Мысль о том, что ты постоянно на виду, всегда подотчетен вездесущему Судье, реши-

Аза Грэй (1810—1888), профессор ботаники Гарвардского университета. Пытался примирить дарвиновский естественный отбор с христианской верой во вмешательство сверхъестественной силы, в итоге отказался и от того, и от другого. (Гравюра Дж. Дж. Каде с фотографии Грэя в старости; Библиотека “Метрополитен”, Торонто.)

тельно рушит весь образ жизни. Поэтому обычно теистический эволюционизм останавливается на стадии Адама и Евы, и только храбрец, готовый оспаривать правдивость Библии, включая самого Бога, допустит вероятность божественного вмешательства в дела природы и человека в наши дни.

Унитарное происхождение теистического эволюционизма

Одним из самых ранних и наиболее активных защитников теистического эволюционизма был американский корреспондент Дарвина Аза Грэй, преподаватель ботаники в Гарвардском университете. Он был в известной степени одним из отцов-основателей теории эволюции, а с 1860 года — пропагандистом, послом и апостолом Дарвина в Соединенных Штатах. Остававшийся всю жизнь конгрегационалистом, Грэй в своей вере, несомненно, находился под влиянием жены Джейн, преданной унитарянки, посещавшей церковь Гарвардского колледжа (Дюпре — Dupree, 1959, 182)³.

Немалый вклад в позицию Гарвардского университета как американского центра унитаристского мировоззрения внесла новая доктрина Азы Грэя. Грэй сосредоточил свое внимание на отсутствии переходных форм окаменелостей, которые могли бы поддержать теорию Дарвина, но в то же время занял более определенную позицию, нежели Дарвин, во взгляде на свидетельство разумного замысла в природе. Дарвин жаловался, что в голове у него “совершенно безнадежная путаница” в отношении проблемы происхождения жизни⁴. Сознавая, что в Соединенных Штатах укоренилась буквальная вера в Библию, Грэй опасался, что большинство общества не примет теорию Дарвина с ее атеистическими обертонами.

Он писал: “Поскольку атеистические доктрины эволюции начинают преобладать и, по-видимому, уже преобладают в большей или меньшей степени среди представителей мира науки [в то время Грэй распространял “Происхождение видов”], я счел важным и приложил огромные усилия к тому, чтобы их воспринимали в теистических терминах” (Dupree, 1959, 359). Грэй полагал, что все эти трудности преодолимы в одночасье. Разумеется, замысел есть дело руки Божьей, с ее же помощью можно объяснить и отсутствие недостающих звеньев окаменелостей, чтобы убедить атеиста в ошибочности позиции. Таким образом, теория Дарвина оказалась более приемлемой для христианской общины. Грэй так пояснял эту позицию в частном письме:

Важной задачей является разработка правильного эволюционного богословия и выдвижение доводов в пользу замысла из фактов совершенной адаптации так, чтобы это было приемлемо для обеих сторон: для христиан, которые могли бы удовлетвориться этим и, возможно научиться восхищаться божьими делами, шаг за шагом творимыми при необходимости в системе природы, и для антитеистической (атеистической) публики — чтобы показать, что без вмешательства высшей мудрости ничего не бывает и ничто не заслуживает доверия (Джейн Грэй — Gray, J.L., 1893, 2:656)⁵.

Процесс “шаг за шагом” предполагал божественное вмешательство в нормальный ход случайных изменений, целенаправленно ориентируя их на превращение одного вида в другой. Джон Дьюи, основатель Американского либерального образовательного движения, назвал его позднее “творческий замысел в рассрочку” (Dewey, 1951, 12). Тем не менее, благородные стремления Грэя рассматривались некоторыми как попытка контрабандой протащить пэйлевского “часовщика” в дарвиновский естественный отбор.

Немалый успех имели статьи Грэя, изданные в 1861 году (Gray, 1861)⁶. Он пытался убедить Дарвина занять предлагаемую им позицию теистического эволюционизма. Дарвин же быстро понял ошибочность доводов Грэя и напроць их отверг. В письме к Лайелю в 1861 году он писал: “Точка зрения, согласно которой каждое изменение обусловлено провидением, как мне представляется, делает Естественный Отбор совершенно лишним и фактически выводит за пределы науки проблему появления новых видов”.⁷ Позднее Дарвин совершенно ясно объяснил свою позицию и Грэю.

Наряду с этим, Дарвин приложил к пятому (1869) и к шестому (1872) изданиям “Происхождения видов” исторический очерк, в котором процитировал Аристотеля — классического предвестника его собственного взгляда, — о том, что случайность и только

случайность обуславливает естественный отбор (стр. XV). В этой единственной цитате из греческих философов Дарвин попал впро�ак, ибо взял ее из “Физики” Аристотеля (Aristotle, 1961, 36), в которой автор представляет аргументацию Эмпедокла в отношении случайных процессов, а затем показывает, насколько это невозможно⁸. Аристотель считал, что сама по себе природа — строитель, действующий по внутреннему плану и идее (телеология) и всегда стремящийся к более совершенному. Назовем мы эту внутреннюю работу природой, разумом или же просто Богом — это теистический эволюционизм, соответствующий точке зрения, не принимавшейся Дарвином, несмотря на то, что в заключении “Происхождения видов” он на словах отдал дань уважения Творцу (Darwin, 1860, 488).⁹ Оплосность с цитатой из Аристотеля случилась потому, что он вырвал ее из контекста и извратил смысл в поддержку своей собственной теории эволюции, основанной на случайности. Дарвин публично отверг аргументацию Грэя в опубликованной в 1868 году книге “Прирученные животные и возделанные растения”: “Однако, как бы мы этого ни желали, мы не можем твердо следовать вере профессора Азы Грэя в линии благотворного изменения” (Darwin, 1868, 2:428). Теистический эволюционизм Грэя был отвергнут не только Дарвином — он никогда не принимался всерьез никем из основателей эволюционной теории.

Дарвин указал на фундаментальную проблему теистического эволюционизма и повторил сказанное поэтом Лукрецием больше двух тысяч лет назад. Лукреций представлял себе первичный космос заполненным свободно падающими атомами и говорил, что процесс творения может начаться только в результате отклонения каких-то атомов в какой-то момент времени от их прямого пути (Лукреций — Lucretius, 1951, 66). Параллель здесь в том, что свободно падающие атомы и случайное изменение в природе представляют собой динамические процессы, протекающие по жесткому закону природы. Это эволюционный, а не телеологический процесс, в котором отсутствует конечный замысел, высшая цель, заложенная в вид, для определения того, во что он в конечном счете превратится. Однако если допустить разумное направление, задаваемое какой-то духовной силой, то атомы Лукреция будут отклоняться от своего пути и случайное изменение станет превращаться в целенаправленное. При таком минимальном управлении, независимо от того, насколько оно мало, эволюция, основанная на чистой случайности, в конечном счете отпадает. Жесткий закон природы разрушается, эксперимент становится невоспроизводимым, будущие результаты — непредсказуемыми, и человек в результате утрачивает контроль за ходом всего эмпирического исследования.

Таким образом, перед Грэем, хотя он, по-видимому, этого и не признавал, встала дилемма: либо он верит в то, что у руля стоит Бог, и в этом случае не может считать себя искренне верящим в эволюцию — сам Дарвин ясно показал это, — либо он принимает эволюцию и соглашается с тем, что Бог вообще не управляет процессом. Короче говоря, либо законы природы, универсальные во времени и пространстве, действительно являются законами, либо нет. В конечном счете перед защитниками теории прерывистых равновесий возникла та же проблема.

Теологи того времени не преминули заметить, что в равной мере существовали проблемы и с точки зрения откровения. Отрицание первых одиннадцати глав Книги Бытия, говорили они, недопустимо; семь из восьми авторов Нового Завета (все, кроме Иакова) ссылаются на них утвердительно¹¹. Подозрение, что эти авторы глупцы или лжецы, ставит под сомнение Новый Завет, включая все слова Христа, поскольку либо это сочинение было результатом духовного вдохновения и истиной, либо нет.

Но хуже всего — провозглашали со своих кафедр сторонники буквального прочтения Писания — то, что отрицание Адама означает отрицание самого Христа. Согласно этому сомнение в истинности третьей главы Книги Бытия влечет за собой отрицание фактического человека Адама, его непослушания, а значит, и последующего грехопадения человечества. Если это так, не было бы необходимости в спасении или в Спасителе. Это означало бы отказ от самого ядра христианской веры (Бозарт — Bozarth, 1978, 30)¹². Но времена изменились, и отнекивание от доктрины теистического эволюционизма, так сильно дававшее о себе знать в 1860-е годы, — почти

Джеймс Дэйна (1813—1895).
Преподаватель геологии Йельского университета и убежденный христианин, бесстрашно провозгласил новую доктрину теистического эволюционизма, заявив о происхождении человека от обезьяны.
(Гравюра А. Г. Ритчи с дагерротипа Маултиола; архив библиотеки Йельского университета.)

анакронизм. Если бы какому-нибудь одинокому апостолу хватило безрассудства обратиться с подобным призывом к либеральной церкви в наши дни, то с невозмутимостью старого евнуха его объявили бы помешанным.

Последователи Азы Грэй

Аза Грэй вынужденно присмирел, когда распространилось мнение, что, согласно его позиции, наш Адам был человекообразной обезьяной. Это, возможно, не было слишком неожиданным, поскольку он служил в Гарвардском университете, который стал в Америке бастионом антидарвинизма благодаря усилиям своего знаменитейшего ученого Луи Агассиса. Агассис был убежденным христианином, решительно восставшим против Дарвина, но его смерть в 1873 году предоставила Грэю возможность в течение нескольких лет беспрепятственно проповедовать новую доктрину (Gray, 1880)¹³. Джеймс Дэйна, преподаватель геологии Йельского университета, с такими ограничениями не столкнулся и бесстрашно провозгласил факт происхождения человека от обезьяны. Подобно Дарвину, Дэйна совершил четырехлетнее путешествие вокруг света, а в течение последующих четырех лет по заданию только что образованного Смитсоновского института изъездил всю Америку, собирая геологическую информацию для строительства железных дорог. Дэйна был христианином, но, прочитав “Происхождение видов”, стал убежденным дарвинистом, принявшим грэевскую позицию теистического эволюционизма. Хотя он и был не Гексли, ему удалось почти без посторонней помощи обратить Йельский университет из ортодоксальной христианской веры в эволюционную, используя аргу-

Генри Уорд Бичер (1813—1887). Пламенный христианский евангелист и одаренный оратор, он бесповоротно принял новую доктрину Грэй и Дэйны и энергично ее пропагандировал. (Гравюра относится примерно ко времени судебного процесса 1871 года, в который он был вовлечен; Библиотека “Метрополитен”, Торонто.)

мент Грэй о том, что эволюцию можно поддержать с теистических позиций. Предметом гордости Дэйны стало то, что он превратил Йель в крепость эволюционной науки с целью “исправления ложного догмата теологических систем” (Уэндт — Wendt, 1968, 259).

Американское духовенство понемногу склонялось к пропагандируемому Грэйем теистическому эволюционизму. Наиболее популярный в те дни американский евангелист Генри Уорд Бичер сладкоголосо вещал, что теория эволюции — ключ ко многим тайнам науки и откровение перед человеком дел Божьих (Beecher, 1885). Однако эта доктрина потеряла доверие, когда Бичер был обвинен в интимной связи с женой своего друга миссис Тилтон, а подхваченные молвой легендарные детали этого дела способствовали популярности судебного процесса. Хотя Бичер был признан невиновным, его репутация оказалась подорвана существенным образом (Каски — Caskey, 1978; Стоув — Stowe, 1934).

Еще один известный американский глашатай идеи примирения эволюции и христианства, либерал Гарри Эмерсон Фосдик из Риверсайдской церкви города Нью-Йорк, в течение двух десятилетий активно выступал против фундаменталистов уже в нашем веке. После беспорядков, которые несколько раз сопровождали его проповеди, отвергавшие идею разумного Сотворения, Фосдик в 1922 году был вынужден отказаться от своей первой церкви¹⁴. При финансовой помощи Джона Д. Рокфеллера-младшего он построил в Риверсайде новую церковь, где продолжал свою деятельность и каждую неделю в течение двадцати лет выступал со своей доктриной перед слушателями национальной радиопрограммы.

Тем временем всего в нескольких кварталах от Риверсайдской церкви Чарльз Ф. Поттер, бывший баптист, превратившийся в унитариста, намного превзошел Фосдика в либеральности проповеди. Он настолько злоупотребил терпимостью Унитарной Церкви, что в 1929 году ему было предложено уйти в отставку. Поттер создал независимую Гуманистическую церковь и отважно провозгласил возникновение новой веры, атрибутом которой стала статуя с надписью “Хризалис”. Установленная там, где в Римско-католической Церкви находится распятие, статуя изображала нагого мужчину, выходящего из обезьяньей кожи, чем вполне резюмировала основополагающую идею Поттера (Potter, 1951).

Теистический эволюционизм и Римско-католическая Церковь

Примерно в то время, когда молодой Дарвин готовился отправиться в свое пятилетнее плавание и когда Лайель издавал “Основы геологии”, в Англиканской (британской евангелической) церкви были люди, соблюдавшие пост, безбрачие, исповедь и другие обычаи Рим-

ской Церкви, утраченные в период Реформации. Подобные настроения возникли среди преподавателей Оксфордского университета и дали начало Оксфордскому движению. Это был дрейф к католицизму без фактического превращения в римских католиков. Лидером движения стал Джон Генри Ньюмэн, утверждавший, что все тридцать девять статей англиканской доктрины (выявлявшие основные различия между протестантской и римско-католической верой) можно воспринимать в рамках католицизма. Это вызвало фурор, особенно среди евангелистов. В итоге Ньюмэн вышел из Англиканской церкви (1843) и в 1845 году был принят в Римско-католическую. Другие инициаторы Оксфордского движения также перешли в Католическую Церковь, однако это движение стало преобладающим в Англиканской Церкви и продолжается в наши дни среди церковной иерархии под знаменем англо-католицизма.

Своим предположением, что христианская доктрина подвержена развитию, то есть эволюции, Ньюмэн почти на десятилетие опередил теологические выводы дарвиновского “Происхождения видов” (Лэш — Lash, 1975)¹⁵. Эта идея ушла вместе с ним в Римскую Церковь. После опубликования “Происхождения видов” Ватикан в течение четырнадцати лет размышлял о его мотивах, пока папа Пий IX не издал “Программу ошибок”, осуждающую “прогресс, либерализм и современную цивилизацию”. Всем было понятно, что под этим подразумевался дарвинизм, хотя напрямую он не упоминался. Удивительно, что ни “Происхождение видов”, ни “Происхождение человека” не были внесены в Католический Перечень Запрещенных Книг.

Джон Генри Ньюмэн (1801—1890). Будучи изгнан из Англиканской Церкви за попытки возобновить традиции и доктрины римских католиков, он впоследствии стал кардиналом Римской Церкви в Англии. (Гравюра Т. Коула с портрета работы Оулесса; Библиотека “Метрополитен”, Торонто.)

В 1877 году Ньюмэн стал кардиналом, и его представления о развитии богословия, сопровождающем развитие человеческого мышления, проложили другим церковным иерархам дорогу для принятия идей биологического развития. Работы Дарвина стали занимать место в личных библиотеках епископов и прелатов рядом с книгами, которые в этих работах отвергались. Идеи дарвинизма стали просачиваться в народ через кафедру. Поскольку католицизм всегда предполагал большую зависимость от авторитета церкви, нежели от Писания, и конкретно не осуждал Дарвина, католикам была предоставлена свобода исследовать направления эволюции, пока они остаются в рамках теистического мировоззрения. В 1950 году папа Пий XII позаботился об издании энциклики “*Humani Generis*”, которая обоснованно осуждала эволюционное учение, излагая причину следующим образом:

Кое-кто неосторожно и опрометчиво признает эволюцию, которая полностью не подтверждается даже в области естественных наук... и дерзко поддерживает монистическое и пантеистическое мнение о том, что мир находится в состоянии постоянной эволюции. Коммунисты охотно подписываются под этим — ведь когда людские души лишены всякой идеи о своем Боге, они могут более эффективно защищать и распространять своей диалектический материализм (Карлен — Carlen, 1981, 175).

Однако очевидно, что “иезуитская” левая рука церкви явно не знала, что делал “папская” правая, и, как мы увидим далее, возобладал иезуитский взгляд.

Философ, палеонтолог и иезуит Тейяр де Шарден (1881—1955) создал одну из самых эзотерических версий теистического эволюционизма, внедрив в него элементы восточного мистицизма. Из сказанного в восьмой и девятой главах мы помним, что этот добрый священник был вовлечен в аферу с пилтдаунским человеком, коснулись его и сомнительные обстоятельства вокруг пекинского человека. Начальствующие же никогда не достигли его степени просвещенности: Тейяра дважды отправляли в ссылку — первый раз в Китай, а затем в Фонд Уэннера-Грэна в Нью-Йорке (Спизэйт — Spreight, 1967). В студенческие годы Тейяр находился под влиянием книги профессора философии Анри Бергсона “Созидательная эволюция” (Bergson, 1907), и остальную часть своей жизни он построил на принципе ортогенеза Бергсона, то есть разумно направленной эволюции, а не случайности¹⁶.

Кульминацией тейяровского теистического мышления об эволюции стала его работа “Феномен человека” (Teilhard de Chardin, 1959). Другая, более содержательная, — “Христианство и эволю-

ция” — была опубликована посмертно в 1969 году (Teilhard de Chardin, 1971)¹⁷. С помощью нескольких небольших, но хорошо организованных групп последователей¹⁸ тейяровская эволюция распространилась не только в Англии, но и по всему католическому Западу (Глик — Glick, 1976) и получила небезыңтересное развитие. В 1957 году Святая палата отдала приказ об изъятии книг Тейяра из библиотек католических учреждений и запретила их продажу в католических книжных магазинах. В то время Католический Перечень Запрещенных Книг уже не издавался. Затем в июне 1962 года последовало письмо, разъяснявшее верующим ошибки и двусмысленности тейяровских трудов (Масала — Masala, 1962)¹⁹. В то же самое время, однако, иезуитское крыло Римско-католической церкви выпустило немало литературы, защищавшей работы Тейяра, и активно пропагандировало его труды (Копп — Корр, 1964)²⁰. В результате в большинстве интеллектуальных и образовательных секторов католического мира полемика относительно эволюции улеглась, и июньское письмо 1962 года осталось невостребованным.

Таким образом, теистический эволюционизм, тяготеющий к тейяровской концепции, прочно утвердился в Римско-католической

Пьер Тейяр де Шарден (1881—1955; справа) принимает медаль Менделя, которой он был награжден за вклад в науку, от Эдварда В. Стэнфорда. Церемония награждения происходила в Филадельфии в марте 1937 года. (“Геральд Трибюн”, Нью-Йорк.)

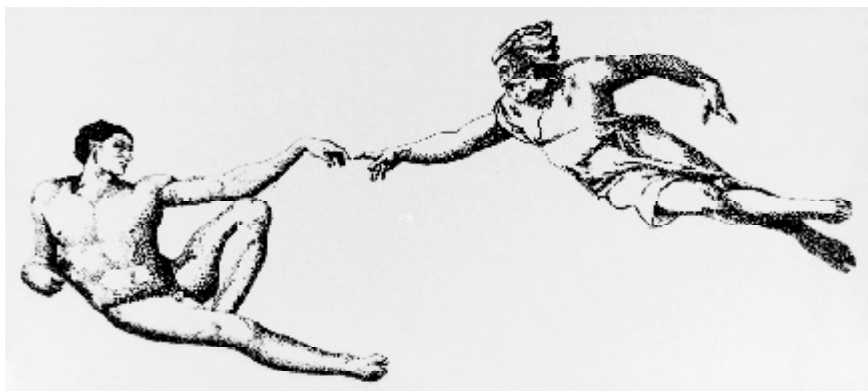
церкви. В принципе этого можно было ожидать, поскольку тень Аристотеля все еще лежала на Риме. Его идеи, включая концепцию целесообразности в природе, были поддержаны Фомой Аквинским и впоследствии интегрировались в основы католического учения. Однако это должно вызывать раздвоение в сознании каждого, кто задумается над действительным смыслом сказанного. Ситуацию “двоемыслия” легко представить, если вспомнить, что теистический эволюционизм любого рода отвергает первые одиннадцать глав Книги Бытия, но в то же время первоначальная заповедь “плодитесь и размножайтесь” (Бытие 1:28) в первой главе строго соблюдается, в частности, путем запрещения контроля над рождаемостью. Таких примеров множество.

Хотя тейяровская эволюция имеет слабую теологическую основу, она выявляет мнения, существующие в научных кругах. Сэр Питер Мидуор, ныне знаменитый критик тейяровского “Феномена человека”, представляет читателям точную картину того, чего следует ожидать. Мидуор начинает так:

Эту книгу повсюду считают одной из самых глубоких и значительных: некоторые обозреватели назвали ее Книгой года, а один даже Книгой века. И все же большая часть ее... бессмыслица, сколоченная из скучных метафизических образов, и недобросовестность автора можно простить только исходя из того, что, прежде чем обмануть других, он приложил много стараний к тому, чтобы обмануть самого себя... но обратимся сначала к стилю, так как именно стиль создает иллюзию удовлетворения (Medawar, 1961, 99).

Как и в случае в модернистской живописью, Тейяр стал культовой фигурой для тех верующих, которые всякую сомнительность его работ приписывали их глубине, только бы не признать их полной непонятности. Именно эта черта наиболее ярко прослеживается у авторов, пишущих в поддержку теистического эволюционизма. Читатель может быть уверен, что если то, о чем говорится, не становится абсолютно ясно при первом прочтении, а выражения пространны и мучительно воспринимаемы, тогда речь идет о какой-то очередной версии теистического эволюционизма.

Более серьезное значение, чем введенные в заблуждение небольшие группы интеллектуалов, имеет тот факт, что полезность теистического эволюционизма для своих собственных целей признает коммунистическая партия. В наши дни активно пропагандирующие труд Тейяра есть среди христианских интеллектуальных центров, в особенности среди католиков Европы и Южной Америки (Гароди — Garaudy, 1968; Кристоф — Kristof, 1969; Лишер — Lischer, 1979)²¹. Наличие марксистского элемента в иезуитской док-

Роспись свода Сикстинской капеллы, выполненная Микеланджело в 1508 году, изображает сотворение Адама. Эта эволюционная трактовка бесконечно повторялась в последние годы для рекламы всевозможных изданий — от обуви до кинофильмов. (Рисунок Мэри Уордлоу.)

трине образования не так давно было хорошо выявлено Мартином (Martin, 1978), и именно этот элемент в первую очередь привнес идеи эволюционизма в сознание нынешнего поколения. Основатель коммунизма Карл Маркс заявил, что “религия — опиум народа” (Marx, 1843)²² и религиозные представления стоят на пути видения нового мирового порядка, а возглавляет перечень религий зыждущееся на Библии христианство. Прямое преследование еще со времен Рима оказывалось неэффективным, лишь укрепляло веру выживших; альтернативной стратегией, принятой в наши дни, является преднамеренное вымывание убеждений из христианской организации. Эволюция считается ныне респектабельной наукой, и теистический эволюционизм Тейяра особенно представляется католическому христианину совершенным компромиссом, в котором строгая научность смягчается нужным количеством религиозной таинственности. Что еще нужно мирянину? Как следует из “Humanis Generis”, между теистическим эволюционизмом и прямым атеизмом коммунистической партии всего один шаг. Следующее поколение будет свидетелем некоторых весьма интересных взаимодействий между коммунистическими правительствами и Римско-католической церковью. Одна из интригующих и значительных граней католической трактовки теистического эволюционизма связана с Микеланджело и сводом Сикстинской капеллы. Выполняя эту роспись в 1508 году, Микеланджело отступил от библейского рассказа о сотворении человека и написал именно то, что в наши дни представляется теистической версией. До того художники придерживались изложенного в Книге Бытия описания неживого существа, сделанного из праха земного, которое становится “душой живою” по

воле Бога, вдохнувшего в него жизнь (Бытие 2:7). Знаменитая работа Микеланджело, изображающая сотворение Адама, представляет нам образ живого человека, соединенного с Богом через кончик пальца поднятой руки. Поскольку это создание живое, какого рода доадамово существо оно представляет? Хитрые иезуиты выдают это за историческое подтверждение теистического эволюционизма, то есть изображенное на картине существо должно быть своего рода продвинутым антропоидом. Можно быть абсолютно уверенным, что ничего подобного Микеланджело не имел в виду, и все же греческое влияние, а также стремление рационализировать откровение, выражены не только в стиле картины, но и в ликах греческих пророциц меж пророков Ветхого Завета.

Теистический эволюционизм в протестантских церквях

Одним из ранних поклонников Дарвина в Английской протестантской церкви был англиканец Чарльз Кингсли, который, как уже говорилось, читая “Происхождение видов”, признался, что он “долго учился неверию в [библейский] догмат о постоянстве видов”²². Вместо того, чтобы принять ставшие впоследствии популярными теории дня-эпохи или разрыва, он выбрал позицию теистической эволюции как рациональную альтернативу целенаправленному Сотворению.

Еще одним влиятельным защитником Дарвина был посвященный в англиканский духовный сан профессор Оксфорда Бэйден Пауэлл, отец основателя движения бойскаутов. Избранный в Королев-

Джон Коленсо (1814—1883) был выслан из Англии и назначен на пост Епископа Натальского. Позднее он был обвинен за выражение куда менее значительных сомнений, чем те, которые публично высказывались вышестоящими представителями церковной иерархии. Может быть, его сделали англиканским козлом отпущения? (Библиотека “Метрополитен”, Торонто.)

Фредерик Тэмпл (1821—1902), директор школы Рэгби, Епископ Лондонский и впоследствии Архиепископ Кентерберийский. Не будь он последователем Дарвина, вряд ли он достиг бы столь быстрого продвижения по службе. (Библиотека “Метрополитен”, Торонто.)

ское общество в 1824 году и оставаясь при этом викарием, он был поклонником лайелевского униформизма и одним из первых крупных теологов принял “Отходы” Чеймберса (Chambers, 1887). Всякого рода чудеса были для Пауэлла немыслимы, и весь Ветхий Завет он считал несостоятельным (Powell, 1857)²⁴. Неудивительно, что он был против евангелистов и часто участвовал в религиозных дискуссиях. Публикация Пауэллом рецензии на первое издание “Происхождения видов” была скандальной. Это была страстная критическая ста-

Уильям Тэмпл (1881—1944). Сын Фредерика Тэмпла строго следовал по стопам отца, став в 1942 году Архиепископом Кентерберийским. Автор чисто дарвиновской книги “Природа, человек и Бог”, выступавший в нескольких “левых” журналах, он руководил Британским, а позднее и Всемирным Советом Церквей. (Фото Бассано, агентство “Камера Пресс”; “Миллер Сёрвисиз”.)

тья теиста, показывающая, насколько более великим представлялся Бог с эволюционной точки зрения Дарвина, нежели из сомнительных древнееврейских писаний. Несколькими годами ранее церковь обвинила бы Пауэлла в ереси, но в 1860 году его взгляды оказались приемлемыми, хотя и противоречили догматам.

В это самое время другой англиканский клирик, менее бесцеремонно относившийся к Ветхому Завету, чем Пауэлл, и все же больше пострадавший от цензуры своей церкви, — Джон Коленсо — стал Епископом Натальским и взялся переводить Библию на зулусский язык. Он открыл то, что посчитал расхождениями в ранних книгах Ветхого Завета, и опубликовал соответствующее критическое исследование пятикнижия и Книги Иисуса Навина (Colenso, 1862—71). Это вызвало так много споров, что в 1860 году состоялся публичный процесс, и Епископ Кейптаунский на правах вышестоящей инстанции объявил о смещении Коленсо с его поста. Спустя пять лет, когда все улеглось, в Тайный Совет была подана апелляция, и это решение отменили. Коленсо принялся за работу. Почему ярость церковной власти была направлена на Коленсо, а не на Пауэлла, неясно; возможно, искали козла отпущения. Нет худа без добра: процесс Коленсо с размахом разрекламировали газеты именно в то время, когда общественность бурно протестовала против “Происхождения видов”. “Скандал, в котором меня обвиняют, — говорил Коленсо на этом процессе, — вызван не мною, а теми, кто сохраняет в церкви положение вещей, противоречащее очевиднейшим выводам современной науки” (Кокс — Сох, 1888, 1:236). Гонимый деятель церкви привлек к себе многочисленные симпатии, а все дело послужило к чрезвычайной пользе в трех отношениях: о критике “Происхождения видов” временно позабыли, внимание сосредоточили на явной ошибочности Библии, ряды дарвинистов пополнились. В итоге реклама как нельзя своевременно способствовала утверждению эволюции.

Под влиянием теистической аргументации теологи один за другим переходили на сторону дарвиновской эволюции. Все это представлялось вполне рациональным и устраняло необходимость верить в вызывающие сомнения чудеса... Наиболее деятельными из новообращенных стали те, кто был близок к вершине церковной пирамиды. Благодаря своему влиянию они могли направлять взгляды грядущего поколения богословов. Будучи директором Школы Регби, Фредерик Тэпмл в 1860 году пришел к компромиссу между своей верой и Дарвином²⁵. Он неуклонно поднимался по ступенькам церковной иерархии и стал в 1896 году Архиепископом Кентерберийским, заняв таким образом высший пост Англиканской

церкви (Тэмпл — Temple, 1860). К середине столетия теистический вариант дарвиновской эволюции приобрел вес догмата, приемлемого для иерархии. Когда в 1882 году Дарвин умер, несмотря на все нападки, которым за двадцать пять лет до этого подвергалось “Происхождение видов”, церковь настояла, чтобы его с почестями похоронили в Вестминстерском аббатстве. Вчерашняя ересь обернулась божественной истиной.

Никто не узнает, сколько людей порвало с церковью в результате этой метаморфозы, но дарвинизм вызвал много бурных диспутов в церковных кругах: консерваторы стояли за буквальное понимание Сотворения в книге Бытия, либералы же придерживались теистического эволюционизма. Это напряженность существует и в наши дни, и не только у христиан, но и в ортодоксальных иудейском и исламском мирах, а изначальной причиной ее по-прежнему остается борьба между откровением и разумом.

От эволюционизма к атеизму

С самого начала “Происхождение видов” Дарвина было радостно воспринято не из-за какой либо научной ценности книги, а потому что она предлагала явно рациональную альтернативу чудесному. Поэтому ранними последователями теории были не ученые того времени, а скорее теологи, сочувствовавшие этой идее в силу сугубо личных причин, среди которых то, что они называли “призванием” к своему служению, было наименее значительной. Викторинская мудрость гласит, что дурака в семье отправляют либо в армию, либо в церковь, и, возможно, помня об этом, отец Чарльза Дарвина отправил сына в Кембридж для получения духовного образования. У каждого из последователей Дарвина были собственные мотивы: одни, подобно Гексли, пришли к Дарвину потому, что его теория была антиклерикальной, другие — потому, что она была в оппозиции к истеблишменту. Возможно, наиболее заметным среди последних был Карл Маркс, живший в Лондоне и посещавший публичные лекции Гексли по дарвиновской эволюции. Принцип борьбы за существование при естественном отборе Маркс считал превосходным подтверждением своего собственного взгляда на классовую борьбу. В знак уважения он послал Дарвину в 1873 году экземпляр “Капитала”, опубликованного шестью годами ранее (Пэйдоувер — Padover, 1979, 139)²⁶. Еще шесть лет спустя он написал Дарвину письмо с просьбой о разрешении посвятить ему следующий том, однако Дарвин отклонил это предложение, пояснив, “что это задело бы чувства некоторых из членов его семьи, для которых нежелательно, чтобы его имя было связано с такой атеистической

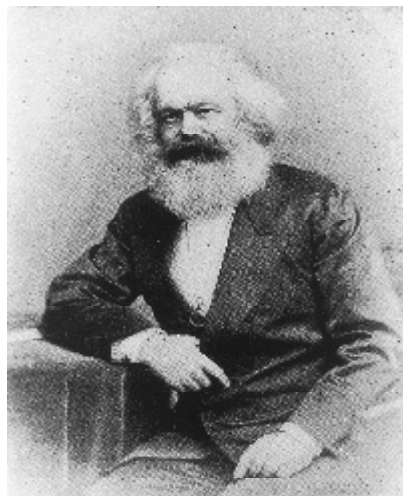
книгой” (Кейт — Keith, 1955, 234). Дарвин ужаснулся бы, узнай он, какие эксцессы пытались оправдать его теорией в нашем двадцатом веке!

Случай с Карлом Марксом — подходящий повод, чтобы сказать о немецком философе Георге Гегеле, чьи идеи оказали большое влияние не только на Маркса, но и многих свободомыслящих людей Германии девятнадцатого века. В философии Гегеля не было места Богу, царящему над миром, как в христианской ортодоксии, но в глубине всех естественных процессов присутствовал мировой дух. Реальность мира, согласно Гегелю, это просто проявление мирового духа, в конце концов получившего название Абсолютного Духа или Абсолютной Идеи, тогда как религия — образный, изобразительный способ представления этой философской истины.

Гегель представлял себе Абсолютный Дух направляющим процесс развития (эволюционный процесс) в природе, включая человечество, а сам этот процесс — как неупорядоченное развитие по восходящей. Этот путь вверх рассматривался как история диалектической борьбы между положительными и отрицательными реальностями, но результат — всегда сбалансированный, гармоничный синтез, само совершенство. Писавший свои работы больше чем через сто лет после Гегеля Тейяр де Шарден назвал эту конечную цель “точкой Омега”. Если все и звучит туманно, как теистическая версия Азы Грэя, то это в основном именно так и есть, хотя Гегель низвел христианского Бога до положения простого безличного интеллекта, направляющего судьбу природы.

Идеи Гегеля появились ранее “Основ геологии” Лайеля, но им пришлось подождать, пока наука догонит философию, чтобы начать приносить свои плоды. Когда процесс развития (эволюция) полу-

Карл Маркс (1818—1883).
Родился в еврейской семье, стал христианином, затем начал изучать философию и в конце концов отвернулся от теизма любого толка. За свои политические взгляды был выслан из Германии и нашел прибежище в викторианском Лондоне. (Библиотека “Метрополитен”, Торонто.)

Георг Гегель (1770—1831). Ввел идею, согласно которой Бог представляет собой мировой дух, присутствующий во всех естественных процессах. Результатом этого мышления является пантеизм, или культ природы, а Иисус превращается в просто просвещенного учителя. (Гравюра Боллингера с портрета работы Кселлера; Научная библиотека Дж. П. Робартса, Университет Торонто.)

чил поддержку науки, гегелевская философия обрела в Германии популярность. Однако еще оставался небольшой шаг до признания, что Абсолютный Дух, направляющий природу, — не что иное, как сама Природа. Переход от Отца-Бога к Матери-Природе у Чарльза Кингсли может быть признан этим шагом. Студент Гегеля Людвиг Фейербах пошел по этому пути еще дальше, отмечая четыре тысячелетия связи человека с Богом заявлением, что Бог в действительности только проекция самого человека. В результате теология превратилась в антропологию. Столетие спустя Джордж Бернард Шоу выразит эту концепцию в своей обычно остроумной манере: “Бог был создан по образу человека” — пародия на Бытие 1:27. Иначе говоря, функция Бога в понимании последователей Гегеля оказалась лишней, и в 1882 году Фридрих Ницше взял на себя смелость объявить, что Бог мертв (Nietzsche, 1882, 3:108)²⁷. По совпадению, это был год смерти Дарвина. Ницше, словно проклятый Богом, потерял профессорскую кафедру и был объявлен безнадежным душевнобольным. Через несколько лет он скончался. Не сменилось и поколения со времени, когда дарвиновское “Происхождение видов” поддержало гегелевскую философию, как атеизм был провозглашен формально. Человечество вступило на широкую дорогу атеизма, приемлемую вначале только для экстремистов-отступников, а затем, в свете нового мирового порядка, объявленного Карлом Марксом в его Коммунистическом манифесте (Marx, 1850), человек наконец-то представлялся полностью свободным от цепей религии²⁸.

Главной заботой Дарвина была его теория. И прежде всего его беспокоил тот факт, что в понимании некоторых эта теория рацио-

нально оправдывала отказ от Бога, но с течением времени и по мере принятия его теории коллегами это, по-видимому, прошло. Между тем в Германии активно работал Геккель, в Англии — Гексли. Они пропагандировали теорию эволюции в книгах и публичных лекциях. Как мы видели в предыдущих главах, доказательства, так настойчиво использовавшиеся в XIX веке для разрушения веры, оказались совершенно несостоятельными. Было много и тех, кто упрямо цеплялся за свои Библии, кого не убеждала наука. На таковых в конце девятнадцатого века была направлена деятельность группы теологов, посвятивших себя делу разрушения доверия к большинству ранних книг Библии.

Библейский эволюционизм

Юлиус Веллхаузен (1844—1918), блестящий немецкий теолог, занимал в области изучения Ветхого Завета позицию, аналогичную позиции Дарвина в биологической науке. В студенческие годы идеи Веллхаузена определялись эволюционными концепциями Гегеля, утверждавшего, что человек поднялся из примитивных истоков. Это полностью противоречило библейскому рассказу о грехопадении, но к этому времени постоянное давление геологических фактов в трактовке Лайеля, за которыми следовали биологические свидетельства в трактовке Дарвина, привело к тому, что в сознании многих Всемирный Потоп стал восприниматься как миф. Известно, что первые пять книг Ветхого Завета написал Моисей, и поскольку эти книги повествуют о Сотворении, грехопадении и Потопе, они попали под подозрение и стали законным предметом интеллектуального исследования. Другие исследователи, такие, как Граф, еще до Веллхаузена разработали научный подход к анализу древнееврейских текстов — книги Моисея были написаны на древнееврейском языке, — и этот метод впоследствии стали называть “высшим критицизмом”.

Последователи Веллхаузена приняли допущение, что, поскольку наиболее значительные законы и правила Моисея пренебрегались с четырнадцатого до десятого века до Р. Х., следовательно Моисей не мог ввести эти правила до этого времени, тем более во время Исхода в пятнадцатом веке (Хэррисон — Harrison, 1970, 127). Хотя фактическое время Исхода все еще не установлено, авторитетный исследователь Ветхого Завета Хэррисон ясно показал, что это допущение “полностью ошибочно” (Harrison, 1969, 20)³⁰.

Веллхаузен полагал, что религиозная практика развивалась постепенно, поглощая идеи из окружающих культур. Некоторые духовные авторы всего за два столетия до Р. Х. приписали эти правила и монотеистическую теологию, получившую достаточное развитие, полумифическому патриарху Моисею. Единомышленники Веллхау-

зена полагали, что путем кропотливого анализа древнееврейских писаний можно выделить даже характерные особенности отдельных авторов; на этих авторов ссылались, обозначая их J, E, D и P. Тематика этого исследования, получившего название эволюционной, или документальной, гипотезы Графа — Веллхаузена широко освещалась в литературе и многочисленных докторских диссертациях по философии, а Граф был признан одним из ранних специалистов в этой области. Гипотеза основана непосредственно на эволюционизме гегельянцев и прельщала многих, видевших решение проблем в использовании единого принципа трактовки (Драйвер — Driver, 1891)³¹.

Эволюционная гипотеза, по-видимому, получила поддержку в археологических находках тех дней. Вспомним, что Лэйард открыл в Ниневии целую "библиотеку" глиняных досок с письменами. Гравер Британского музея Джордж Смит в конце концов расшифровал эту клинопись, и в 1872 году было сделано потрясающее открытие. В записи на древних досках сохранился вавилонский рассказ, очень близко напоминающий повествование из книги Бытия о Великом Потопе, о Ное и ковчеге (Серам — Seram, 1971a, 276)³². Консервативные ученые расценили его как недостоверный пересказ какой-то более ранней версии, сохраненной в чистом виде древними евреями. С другой стороны, либеральные ученые школы Графа — Веллхаузена утверждали, что евреи взяли его из вавилонского варианта и что это одно из наиболее убедительных свидетельств, подтверждающих эволюционную гипотезу. Их аргумент состоял в том, что датированный археологическими способами ранний вариант припи-

Гарри Эмерсон Фосдик (1878—1969). Одаренный оратор и неутомимый служитель либеральной церкви, он проповедовал доктрину теистского эволюционизма по американскому радио в течение более двадцати лет. (Художественное агентство Кистоуна).

сывал Потоп капризу одного из многочисленных богов (политеизм), тогда как более поздний еврейский объявлял его карой, наложенной высшим Богом (монотеизм).

Либеральные ученые конца девятнадцатого века в конечном счете одержали верх над консерваторами, заняв все ключевые посты в теологических колледжах (Линдселл — Lindsell, 1976)³³. Одно поколение студентов сменялось другим, доктрины Графа и Веллхаузена превратились в устоявшиеся догматы, результатом чего стало неверие не только в Книгу Бытия, но и в весь Ветхий Завет.

Особенно эффективная возможность распространения либеральной трактовки Библии появилась при назначении в 1881 году Уильяма Робертсона Смита редактором, а затем и главным редактором престижной Британской энциклопедии. Он был исследователем семитских языков, филологом, физиком, археологом, а также блестящим теологом, для которого чудеса были совершенно неприемлемы. Смит безоговорочно принял эволюционную гипотезу и выразил неортодоксальную интерпретацию в своей статье о Библии в девятом издании Британской энциклопедии (известном как “Сколарз Эдишн”), выходившем в Англии в период 1875 — 1889 гг. В кругах, все еще придерживавшихся ортодоксальных взглядов, это было принято в штыки, но дело было сделано, и девятое издание стало источником истины и знания для большинства англоговорящих стран на период, по меньшей мере, жизни следующего поколения.

Деятельность Смита завершилась тем, что обнаружившиеся противоречия заставили его оставить свою кафедру в Колледже Свободных Церквей в Абердине (Шотландии) и он умер в возрасте всего сорока семи лет. Другое весьма эффективное средство распространения либеральной доктрины основывалось на технологических преимуществах нашего века, позволяющих обращаться не к читателям, а к слушателям. Уже упоминавшийся в этой главе Гарри Эмерсон Фосдик в период с 1926 по 1946 год вел еженедельные передачи по национальному радио. Они в немалой степени формировали представления о том, что ранние книги Библии пропитаны мифом и легендой, а большинство книг Ветхого и Нового Завета написаны и изданы через сотни лет после событий, которые в них описываются. Эти мысли закрепились в юных умах тех, кто впоследствии стал руководителями многих, если не большинства американских школ и семинарий, где все еще изучают эволюционную гипотезу.

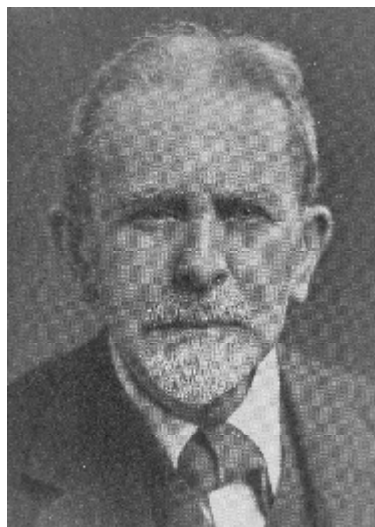
Гипотеза, не подтвержденная фактами

С тех пор, как “Происхождение видов” Дарвина сделало правдоподобным гегельянское представление о том, что человеческая

культура восходит от животных начал, среди археологов, работающих там, где можно получить подтверждение Библии, не прекращались споры. Либералы искали свидетельств в поддержку эволюционной гипотезы и не признавали того, что ее опровергает, тогда как более компетентные исследователи, не плененные идеей доказать правомерность того или иного взгляда, стремились к объективным выводам на основе имеющихся фактов. Был среди таких ученых Уильям Олбрайт, человек громадного роста, обладавший удивительными умственными способностями и прославившийся знанием более двадцати живых языков. После изучения его работ и влияния на археологию Палестины в период с 1920 по 1940 год Хэррисон заявил, что все книги по истории Ветхого Завета и археологии, написанные до 1940 года, следует считать устаревшими (Harrison, 1969, 60). Это фактически отвергает все археологические свидетельства в поддержку эволюционной гипотезы. В течение второй половины столетия собрано большое количество доказательств, подтверждающих точность первых книг Ветхого Завета и даже некоторых из ранних повествований Книги Бытия (Китчен — Kitchen, 1978, 26)³⁴. Не так давно Раддэй провел компьютерный анализ древнееврейских слов Книги Бытия и не оставил сомнений в том, что у этой книги единственный автор (Radday, 1982)³⁵, что укрепляет здравый консервативный подход и, естественно, вызывает новые споры в ученых кругах.

Хэррисон в своей классической работе о Ветхом Завете пишет, что, несмотря на большое количество археологических свидетельств, подтверждающих библейские сюжеты, все еще есть люди, предпочитающие такие субъективные спекуляции, как, например, эволюционная гипотеза (Harrison, 1969, 61). Свидетельства зачастую остаются в тени научных журналов, в то время как единственное, во что посвящает популярная пресса публику, это либеральная точка зрения (Магнуссон — Magnusson, 1977)³⁶. Многочисленные крупные открытия, например, в Мари, Назу, Угарите, включая свитки Кумрана в районе Мертвого моря, а также более поздние в Тель-Мардихе (Эбла), подтверждают изложенное в Библии и устанавливают, что законы Моисея были даны израильтянам до того, как те сформировались как нация, а не сотни лет спустя, и Ветхий Завет был записан в течение жизни очевидцев, а не столетиями позднее. Всемирный Потоп имеет наиболее важное значение с точки зрения лайелевской геологии и, следовательно, дарвиновской теории. Свидетельства об этом могут быть лишь случайными, но тем не менее их не следует замалчивать, а разумнее извлечь на свет Божий — на суд самого читателя.

Джеймс Фрэйзер (1854—1941), шотландский антрополог, академик, который провел больше шестидесяти лет в библиотеках Кембриджского университета, пытаясь с научной точки зрения “подкопаться” под буквальную трактовку Библии. (Фото Аннана. Библиотека “Метрополитен”, Торонто.)

Джеймс Фрэйзер и Потоп

Повествование книги Бытия о Всемирном Потопе — это не фольклорное произведение, ограниченное рамками небольшого племени израильтян. Устные и письменные рассказы на эту тему известны во всем мире. Еще до прихода эры вездесущей кока-колы и даже радио, когда некоторые человеческие культуры оставались незатронутыми западными идеями, антропологи разыскивали отдаленные племена и тщательно записывали их устные сказания. Они тщательно отмечали любое подтверждение заимствования из других культур, включая малейшее влияние миссионеров, которые в то время только начали проникать в такие места, как, например, “Черная Африка”. Вся эта работа проводилась в начале девятнадцатого века, и Джеймс Фрэйзер (позднее — сэр Джеймс Фрэйзер) изложил ее результаты в своем массивном трехтомном труде “Фольклор в Ветхом Завете”, вышедшем в 1918 году³⁷. Трехтомник включает 138 рассказов о Потопе, записанных в Северной, Южной и Центральной Америке, на многочисленных островах Тихого океана, в Индии, Китае, а также в менее населенных частях Европы. Для каждого рассказы характерны элементы фантазии и местного колорита, но почти во всех без исключения присутствуют четыре основные темы, которые фигурируют и в Книге Бытия. Во-первых, нравственная причина Потопа — неправильное поведение либо людей, либо богов. Во-вторых, во всех рассказах говорится, что то ли бог, то ли какое-то животное предупредил одного человека о Потопе. В-третьих, все рассказы без исключения утверждают, что Потоп смыл все человечество, исключая оповещенных особо, и что эти выжившие люди — предки ныне населяющих Землю. В-четвертых, значи-

тельная роль отводится животным, которые оповещали о Потопе или же указывали на его отступление. В дополнение к этому во многих рассказах упоминается или делается намек на то, что восемь человек были спасены с помощью какого-то судна (Кастэнс — Custance, 1979, 88)³⁸.

Напрашивается вывод: поскольку рассказы собраны в разных частях света и посвящены конкретному событию, происходившему во время крупной катастрофы, это подразумевает географически общее происхождение человечества. Книга Бытия называет в этой связи район восточной Турции, южной Армении и северного Ирана — пожалуй, одну из наиболее горячих сегодня в политическом отношении точек планеты.

По иронии судьбы, примечательный постскрипtum к достоверности этих легенд о Потопе вписывается в мотивы их издателя сэра Джеймса Фрэйзера, который, возможно, более известен как автор большого антропологического эссе “Золотая ветвь”, опубликованного в 1890 году и все еще встречающегося в репринтных изданиях наших дней (Frazer, 1890)³⁹. Сэр Джеймс Фрэйзер был исполнительным и покорным сыном истинно пресвитерианских родителей, строго ортодоксальных в кальвинистской традиции. Ранние годы его жизни в семье были заполнены ежедневными молитвами и благочестивым чтением. Ребенком он не допускал мысли о возможности усомниться в родительском или религиозном авторитете. Однако впоследствии он больше шестидесяти лет провел в библиотеках колледжа Святой Троицы в Кембридже, стремясь доказать неверность буквального понимания Библии. Тихий и настойчивый бунт ученого вылился в такие труды, как собрание фольклора о Потопе, которое вопреки желанию сэра Джеймса остается доказательством достоверности Книги Бытия (Кардинер и Прэбл — Kardiner and Preble, 1961, 78).

Здесь уместно упомянуть, что среди множества рассказов, клятвенных заверений и даже образцов обработанной вручную древесины и неясных фотографий, накопленных в результате поисков Ноева ковчега на горе Арарат на протяжении последнего столетия, по сей день не обнаружено ни малейшего свидетельства тому, что древний корабль находится на этой горе (Монтгомери — Montgomery, 1972)⁴⁰. Как уже упоминалось, указанная географическая зона — сложный в политическом смысле регион, с русской ракетной базой на армянской стороне Арарата. Трудности проведения поисков также связаны с непростым ландшафтом: вершины горного хребта покрыты ледниковыми шапками. Тем не менее можно быть уверенным, что, если ковчег когда-нибудь удастся обнаружить и подтвердится факт его существования, это породит еще более суровые дис-

куссии, поскольку поставит под сомнение всю геологию Лайеля и эволюционную догму.

Полемика вокруг Эблы

В 1964 году в Тель-Мардихе, в северной Сирии, примерно в ста пятидесяти милях к северу от Бейрута, было сделано одно из величайших археологических открытий нашего века. Когда ученые считали, что в истории самого раннего периода Израиля, со времени Авраама, наконец-то все встало на свои места, открытие могущественной Ханаанской империи с ее совершенно забытой столицей Эблой еще раз подтвердило факт, что исторические книги давно устарели. Выяснилось, что между египетскими царствами на юге и Ассирийской империей на севере располагалась библейская земля Ханаан, часть которой позднее стала Израилем. Это была крупная империя, соперничавшая в торговых делах с окружавшими ее странами.

Группа итальянских археологов в сотрудничестве с сирийским Главным управлением древностей и музеев опубликовала в 1975 году ставшее мировой сенсацией сообщение о найденных в земле королевских архивах Эблы, представлявших собой самое большое из когда-либо существовавших хранилищ (Петтинато — Pettinato, 1976). В нем находилось свыше 15 тысяч глиняных табличек и отдельных фрагментов с текстами, перевод которых растянулся на годы. Найденные сокровища свидетельствовали о том, что Эбла была культурным и торговым центром с населением в четверть миллиона человек. Расцвет Эблы относился ко времени строительства египтянами самой первой пирамиды Гизы, которую возводили, по оценкам, примерно в 2500 году до Р. Х. Доктор Джованни Петтинато, основная фигура в итальянской экспедиции, был одним из немногих ученых, достаточно хорошо знавших соответствующие языки, чтобы раскрыть тайны Эблы. Он обнаружил в клинописных текстах имена и высказывания, подтверждавшие ранние библейские повествования. Это послужило причиной горячей полемики между возмущенными консервативными учеными и приунывшими либералами, которые по-прежнему оставались на позициях эволюционной гипотезы. Огорчало лишь то, что сирийское правительство по политическим соображениям наложило запрет на публикацию этих текстов, заблокировав таким образом информацию от исследований в Тель-Мардихе в конце 1970-х годов (Микэйа — Mikaya, 1978).

Разумеется, шум вокруг открытий Эблы улегся, а с выходом одновременно двух книг, написанных главными исследователями, можно было почерпнуть сведения, что называется, из первых рук. В предисловии к своей книге “Эбла: империя, открытая заново”

Паоло Маттиэ, представитель либеральной школы, предостерегает читателя:

Полемика, часто резкая и всегда мучительная для автора, порождена отдельными спекуляциями вокруг предполагаемой связи между эблскими текстами и библейскими персонажами, рассказами и эпизодами. Интерес, вызванный у публики этими необоснованными предположениями о связи между Эблой и Библией, можно понять, но следует сказать, что документальных свидетельств таких связей в действительности не существует (Matthiae, 1981, 11).

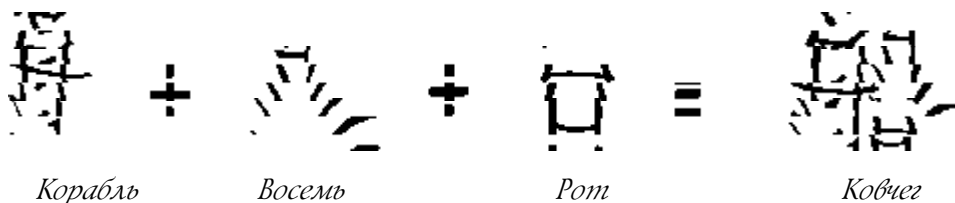
Джованни Петтинато представляет консервативный взгляд и в своей книге “Архивы Эблы” спокойно излагает тщательно “просеянные” и неопровержимые доказательства (Pettinato, 1981).

Прежде всего, открытие 114 двуязычных словарей и документов о торговых и коммерческих делах не оставляет сомнений в том, что авторы этих текстов знали несколько языков, а искусство письма и счета было достаточно развито (Pettinato, 1981, 235). И все это существовало по меньшей мере за тысячу лет до времени Моисея (приблизительно 1500 г. до Р. Х.), который, как известно, получил наилучшее египетское образование. Уже одного этого свидетельства вполне достаточно, чтобы отвергнуть эволюционную гипотезу, предполагающую, что во времена Моисея искусство письма было несовершенным и приписываемые ему ранние книги Библии передавались в устном изложении.

Особый интерес вызывают обнаруженные два экземпляра эпической поэмы вавилонянина Гильгамеша, представляющей собой языческую версию библейского Потопа, а также три прекрасно сохранившихся экземпляра повествования о сотворении мира, очень сходного по содержанию с первой главой книги Бытия (Pettinato, 1981, 238). Петтинато приводит перевод этого замечательного словословия, написанного, как мы помним, за тысячу лет до библейского текста и таким образом полностью отметающего версию устного предания:

Господь неба и земли,
Земли не было, ты ее сотворил,
света дневного не было, ты его сотворил,
света зари (пока) ты не сотворил.
(Pettinato, 1981, 244).

Эблский рассказ о Сотворении резко отличается от позднейших текстов, например, от вавилонского “Энума Элиш” и “Поэмы Атрахаса” (примерно 1600 г. до Р. Х.), содержащих такие гротесковые нелепости, как, например, эпизод, когда боги в сражении между собой разрезают друг друга пополам и делают из одной половины землю, а из другой — небеса. Ясно, что более стройный вариант

Китайские идеограммы, употреблявшиеся до упрощения письменного языка в 1948 году, показывают, как комбинировались отдельные символы для формирования конкретного слова “ковчег” в контексте Потопа. (Кэнг и Нэльсон — Kang and Nelson, 1979.)

является самым древним и не поддерживает эволюционного представления о происхождении человека (Хейдэл — Heidel, 1963)⁴¹.

Китайские аналоги книги Бытия

Древние китайские иероглифы — это еще одно, окончательное свидетельство того, что повествование Книги Бытия о Сотворении и о Потопе не было ограничено устным наследием некоего еврейского племени. Китайцы по праву могут гордиться 4500 годами неразрушенной цивилизации. Считается, что они первоначально мигрировали из района Месопотамии, — благодаря сходству в области искусств, наук и государственного управления с более поздней вавилонско-ассирийской культурой (Сэйс — Sayce, 1893)⁴². Приблизительная дата их происхождения, 2500 г. до Р. Х., совпадает с началом многих других цивилизаций на Ближнем Востоке и в Индии. Письменный язык китайцев, развитие которого относят к этому же времени, основан на пиктографии, или на стилизованных изображениях людей, деревьев, домов и т. п., тогда как в более сложных идеограммах для выражения мыслей используются комбинации пиктограмм. Китайское правление всегда было крайне бюрократическим, с многочисленными правилами и инструкциями буквально на все случаи жизни. Это относилось также и к тысячам иероглифов, которые были стандартизированы во втором веке до Р. Х., задолго до христианских миссионеров. Эти иероглифы оставались неизменными вплоть до китайских коммунистических реформ, начавшихся примерно в 1948 году.

Когда в Китае появились христианские миссионеры, они принялись за изучение письменности для того, чтобы перевести Библию на китайский язык. На их удивление, уже существовали идеограммы, обозначающие многое, относящееся к библейским рассказам о Сотворении и Потопе. Идеограммы воссоздают “картину” библей-

ских значений слов. Например, значение слова “ковчег”, подразумевающего и “Ноев ковчег”, изображается символом судна с добавлением символов восьми ртов или людей (Кэнг и Нэлсон — Kang and Nelson, 1979, 95). Разумеется, тот факт, что, по древнееврейской версии, в ковчеге спаслись восемь человек, — больше, чем совпадение. В течение последних двух тысяч лет в Китае существовали три религии, которые по существу слились в одну, и все три часто встречаются в одном и том же храме. Конфуцианство, которое фактически представляет собой философию, пришло в Китай около 500 года до Р. Х., тогда как даосизм и буддизм (буддизм не допускает существования Высшего Существа) появились в первом столетии до Р. Х. До этого китайская империя поклонялась только одному Богу; у китайцев не было ни мифов, ни идолов, они хранили строгий нравственный кодекс. Своего бога они называли Шань-Ти, считая его “небесным императором” (Тэкс и Коллендер — Tax and Callender, 1960, 3:13)⁴³. В очередной раз подтвердилось: эволюционная гипотеза, утверждающая, что человек поклонялся многим богам (политеизм), а затем поднялся к более высоким культурам, в которых молились только одному богу (монотеизм), является неверной. В Китае все началось с одного бога, а многобожие появилось с приходом даосизма.

Эволюция, основа религии

Как уже отмечалось, человеку свойственно врожденное стремление поклоняться кому-то или чему-то, что выше него, а понятие “поклонение” находит выражение также и в областях, не считающихся религиозными. В любом случае утверждается позиция, принятая без доказательств.

Эволюция по своей сути не может быть доказана ни логически, ни с помощью научных экспериментов. Эволюционисты Бёрч и Эрлих отметили:

Наша теория эволюции стала... теорией, которую никак не опровергнуть какими бы то ни было наблюдениями. Всякое мыслимое наблюдение может в нее вписаться. Никто не в силах изобрести способ ее проверки. Идеи, либо лишённые основы, либо основанные на нескольких лабораторных экспериментах, проводившихся в крайне упрощённых системах, приобрели популярность, далеко не соответствующую уровню их ценности. Они стали частью эволюционного догмата, принятого большинством из нас как часть нашего образования (Birch and Ehrlich, 1967, 352).

Один из самых авторитетных биологических эволюционистов нашего времени Эрнст Майер отметил: “Общая теория (эволю-

ции) во многих случаях вряд ли может считаться больше, чем постулатом, и ее применение порождает многочисленные вопросы почти в каждом конкретном случае” (Мауг, 1963, 8). Постулат — это предположение, принимаемое без доказательства. Справедливость утверждения Майера очевидна из такого рода фактов, предлагавшихся в качестве “доказательства” в прошлом, как, например, *Bathybius haeckelii*, рудиментарные органы, развитие зародыша, а также многочисленные находки ископаемого человека, каждая из которых в конечном счете оказывалась результатом либо заблуждения, либо даже обмана. Если “доказательство”, приведенное в прошлом, ложно, встает вопрос о том, представлено ли впоследствии истинное доказательство, но утвердительного ответа пока что нет. Коулин Пэттерсон, старший палеонтолог Британского музея естественной истории, на заседании в 1981 году заявил перед своими коллегами, что эволюция — это “антизнание”, и добавил: “Всю жизнь я был одурачен мифом, что эволюция есть истина, явленная через откровение” (Patterson, 1981, 2).

Попытка получить доказательства путем расширения понятия “вид” была очевидно неприемлемой ни для Эрлиха, ни для Майера, ни для Пэттерсона, и пока приходится признать, что эволюция — это система убеждений, держащаяся на вере. Разумеется, рассказ о Сотворении также представляет собой систему убеждений, принимаемых на веру, и это альтернативное объяснение происхождения тоже не родилось из наблюдений и не может быть испытано в лаборатории. То есть ни одно из этих двух объяснений не может быть ни доказано, ни опровергнуто.

Вторая параллель связана с обращением к сверхъестественной силе. Никогда не вызывала сомнения роль чуда при буквальном толковании повествования книги Бытия как о Сотворении, так и о Потопе. Теория эволюции также оставляет немало места для чудесного, что очевидно из всех предыдущих глав. Шансы против правильной комбинации элементов, соединяющихся вместе для появления первой живой клетки из неживой материи, настолько громадны, что можно сделать вывод лишь о чуде. Некоторые ученые, например, лауреат Нобелевской премии Фрэнсис Крик, прекрасно осведомлены об этом и, не будучи в состоянии принять чудесное, обратились в поисках начала жизни к внеземным источникам. На страницах литературы встречается много других примеров: не изменяющийся в течение нескольких миллиардов лет энергетический поток от Солнца, в высшей степени тонко сбалансированный рост народонаселения в течение жизни нескольких сотен тысяч поколений — все это явно требует чуда. Выдающийся английский биолог, член Королевского общества, профессор Хэррисон Мэттьюз также

отметил эти параллели в своем предисловии к репринтному изданию 1971 года дарвиновского “Происхождения видов”. Он говорит, что “вера в теорию эволюции” “в точности параллельна вере в разумное сотворение”, причем эволюция — это просто “вера, более удовлетворяющая наши представления об основах понимания природы” (Darwin, 1971, X). Следовательно, теория эволюции не может быть полноправно считаться областью науки, имеющей дело с материальной Вселенной, поскольку она — нематериальное верование (Харпер — Harper, 1979)⁴⁴. Вера — продукт человеческого ума, и она определяет путь, следуя которому, мы трактуем окружающие нас физические вещи: один видит в окаменелостях результат Потопа из книги Бытия, другие в этой же окаменелости видят свидетельство эволюции.

Вера в систему убеждений уводит нас за пределы науки — в метафизическую область, в царство религии. Это обстоятельство начинают признавать многие авторы; например, историк и философ науки Грин считает: “Дарвинизм овладел и продолжает владеть умами людей в основном за счет представления о нем как о некоей религии науки. Происхождение жизни, человека, глубочайших чаяний и высочайших достижений человека из внешней и косвенной детерминации небольших случайных ошибок представляется краеугольным камнем натуралистической Вселенной” (Grene, 1959, 48).

Неверующий критик Макбет отмечает, что дарвинизму как таковому присущи все атрибуты религиозной веры, и называет пять главных факторов, один из которых в том, что истинные последователи проявляют откровенное презрение к христианству (Macbeth, 1971, 124). Например, тех, кто хранит веру в библейское Сотворение, безоговорочно лишают преподавательских постов с той же пламенной энергией, с которой когда-то в церкви искореняли еретиков. Таким образом, непрекращающиеся дебаты вокруг проблемы эволюции — сотворения, то разгоравшиеся, то стихавшие после появления “Происхождения видов” Дарвина, отражают две диаметрально противоположные системы убеждений, или религии: с одной стороны, атеизм, с другой — теизм.

Центральная проблема этих дебатов — вера в существование Высшего Существа. Джулиан Хаксли, внук Томаса Гексли (данное разночтение одной и той же фамилии объясняется расхождением между принятыми в разное время в русском языке вариантами ее произношения — *прим. ред.*), один из главных эволюционистов наших дней, был нестигаемым атеистом. В 1959 году он говорил, что реальным достижением Дарвина было “удаление самой идеи о Боге, как Творце организмов, из сферы рациональной дискуссии” (Тэкс и Коллендер — Tax and Callender, 1960, 3:45). Вера в Выс-

шее Существо может быть признана основной чертой теистической религии. Однако, как это ни неожиданно, вера в отсутствие Высшего Существа также может рассматриваться как нетеистическая религия. Так, решением Верховного Суда Соединенных Штатов атеизм в 1961 г. был формально провозглашен религией наравне с буддизмом, этической культурой, секулярным гуманизмом и прочими учениями, не проповедующими веры в существование Бога (Бёрд — Bird, 1979)⁴⁵. Американская Атеистическая церковь и Американский этический союз освобождены от налогообложения как религиозные организации.

Преданный дарвинист, как Джулиан Хаксли, который достаточно откровенен, чтобы не скрывать своей веры, явно принадлежит к атеистическому лагерю⁴⁶, тогда как люди, придерживающиеся буквальной трактовки книги Бытия, относятся к теистам. Многие из теистического лагеря — искренние христиане, но они в нем не одиноки, так как к этому направлению относятся и приверженцы ортодоксального иудаизма и ислама. Однако сторонников теистического эволюционизма — не будем вдаваться в вопрос о степени его разумности и популярности — фактически невозможно отнести ни к одному лагерю. В такой ситуации основа христианства оказалась заменена Дарвином, но при этом сохранилась иллюзия слышащего молитвы Бога. Она становится очевидной, когда признается, что божественное вмешательство прекратилось после сотворения Адама и Евы. Теистический эволюционизм — это лишь ступенька, облегчающая теисту переход в новую веру, основой которой является эволюция. Эта новая вера не обязательно откровенный атеизм, который предназначен для очень немногих, для истинных пуритан. Она для тех, кто еще испытывает потребность в поклонении.

Духовный аспект всегда будет необходим поклонникам, обращающимся к оккультной практике. Так было с членами нацистской партии в Германии, с членами коммунистической партии России, и такова растущая тенденция среди членов либеральной церкви на Западе.

В следующей, заключительной главе мы увидим, что эта новая вера — секулярный гуманизм, где человек заменяет Бога и объявляет себя наконец свободным для того, чтобы стать хозяином своей судьбы.